УДОРА.

(Из воспоминаний о путешествии в Удору в 1888 году).

Под именем Удоры в настоящее время известна северная часть Яренского уезда, прежде бывшей Вологодской а ныне Северо-Двинской губернии, расположенная по рекам Мезени и Вашке. Край этот является обособленным от остальной части губернии в географическом и климатическом отношениях; а равным образом имеет очень много и этнографических особенностей. Путешествие в Удору, особенно в прежние времена, представляло не легкую задачу. В летнее время к трудностям путешествия выставляли (сведующие люди): а) необходимость проехать около 1000 верст в маленькой лодочке (это конечно считая вместе обе дороги—вперед и обратную), б) пройти пешком шестиверстный волок, в) проехать на санях сорокаверстный волок и г) в течени двух—трех недель быть жертвою удорских комаров. Особенно пугали удорскими комарами. Это, говорили, не совсем обыкновенные комары, как по величине, так и по их количеству. Сами удорцы, говорили сведующие лица, выходят из дома не иначе, как надевши сетки, или даже покрыв руки и лицо смолой. Что касается до зимнего пути, то пугали особенными удорскими морозами. Наше путешествие состоялось в июне и июле месяцах 1888 года. Тремя путями можно было тогда ехать в Удору. Первый путь водный по р. р. Выми, Елве и Ирве. На этом пути, от села Веслянского на р. Выми до дер. Кривушевской на р. Ирве, на протяжении около 200 верст, нет деревень (если не считать возникшего всего лет за шесть до нашего путешествия маленького поселка на Елве), и вся эта местность представляет из себя болото. Второй путь в Удору,

которым сами удорцы в большинстве случаев пользовались, пролегал из Венденги (Удорского селения) на Яренск, и этим путем считалось от Венденги до Яренска всего 200 верст, но на этом пути лежит 150 верстный волок—едва проходимое болото. Хотя это и самый трудный, но за то и кратчайший путь, почему Удорцы им и пользовались. Ехавший с нами становой пристав—Удорский уроженец—говорил, что он, состоя учеником Яренского духовного училища, а затем Вологодской духовной семинарии, целых 16 раз бывал именно этим путем. Летом по нему можно было только проходить пешком; ездить же открывалась возможность только зимой и то, когда болота промерзнут. Третий путь в Удору был на Важгорт, это путь по преимуществу зимний: летом здесь можно проехать только в особенно сухое время и притом нужно было проехать в санях восьмидесяти верстный волок, лежащий на этом пути. Из Важгорта путь этот идет к селу Нюхча, Архангельской губ., Пинежского у.; отсюда нужно ехать в лодке по реке Пинеге, до села Пинежского, Сольвычегодского у., а затем уже горами до Верхней Тоймы, стоящей на реке Двине. Путь этот изстари известен, и зимой по нему отправлялись в Петербург результаты лесных промыслов края и все товары с Важгортской ярмарки. От Важгорта до Верхней Тоймы этим путем считается около 300 верст, из Устюга же до Важгорта этим путем полагают верст около 500. Из Важгорта на Вожгор и через Усть-цыльму существует еще путь в Ижму, Мезенского уезда, отстоящую приблизительно в 500 верстах от Удоры. Но рядом с этим путем, и даже преимущественно пред ним, пользуются еще иным путем, а именно из Важгорта едут в Ижму чрез реку Вымь, т. е. проезжают реки Ирву и Елву, заезжают в верховья Выми, затем перетаскиваются через восьмиверстный волок, попадают в р. Ухту и по ней в р. Ижму. Как на первом, так и на втором пути в Ижму, лежит большой волок. Таким образом с какой бы стороны мы ни стали пробираться на Удору, везде встретим на пути большой волок. Этими волоками Удора и изолирована от прилегающих к ней населенных мест. После 1888 года пути на Удору улучшены; так, устроен путь на Удору из Яренска чрез Айкино, куда следуют почтовой дорогой (60 верст). От Айкина до деревни Буткан, Косланской волости в Удоре, волок в 140 верст; по нему проложена дорога для езды и зимой, и летом. В 56 верстах от Айкина образовался выселок в 4 дома, недавно выстроившаяся деревня Яреньга; прежде ея не было. Затем на этом же пути были устроены земством и содержались 7 станций от Айкина до Буткана. От Буткана до Кослапа 15 верст. Таким образом, этот путь устроен был от Яренска на часть Удоры, расположенную по р Мезени. Не доезжая до Буткана верст около 25, была станция Вожейель, от которой до Глотова верст 28—30, куда и устроена дорога. На Глотово еще с Выми устроен был зимний путь просекой от с. Турьи на протяжении 90 слишком верст. На этом пути устроены и избушки для остановок, но станций построено не было. На Вашку прямой путь из Яренска строился на д. Лонтогу, Ертомского прихода. Путь этот в 150 верст, но он не был достроен, почему и ездили по нему только зимой. И все эти пути прямые из Яренска на Удору устроились уже после 1888 г., во время же нашего путешествия были указанные нами выше пути, и мы по необходимости избрали водный путь, как самый для нас подходящий. До села Серегова мы доехали на пароходе и прибыли сюда 21 июня. В Серегове произошло снаряжение наше в дальний путь. Для нас двоих путешественников приспособлена была лодка, поднимающая до 150 пудов клади; в ней устроены были подобия двух каюток, в которых мы и устроились со всем возможным удобством. Лодка была снабжена парусом, так что при по-

путном ветре шли мы на парусах. Приготовлены были еще три лодки для трех сопровождавших нас лиц. Эти последние лодки были обычные, на каких здесь возят пассажиров, в большинстве случаев чиновников. Это лодки, поднимающие человек до пяти и даже более. Для защиты пассажира от дождя над срединой лодки сделана из парусины и березовой коры кибитка, под которой с удобством можно лежать и сидеть. Опытные пассажиры обыкновенно запасались в достаточной мере подушками и одежой, чтобы можно было с удобством отдохнуть и при случае защититься от холода. Гребцы и кормщики на лодках назывались здесь ямщиками и брали ту же трехкопеечную поверстную плату на лошадь, что и за доставление по сухопутным дорогам. Но так как лошадей в данном случае не бывает в действительности, то за лошадь и получает ямщик. Сколько берете ямщиков, (в данном случае гребцов,) за столько лошадей и расчитываетесь. Поверстный тракт здесь измерен двояко: по рекам для летнего путешествия и по суше для зимнего. Вследствие удлинения пути речными извилинами летом и водою путешествовать здесь дороже, нежели зимой; за то гораздо спокойнее: не трясет, не разбивает, всю дорогу отдыхай. При путешествии в Удору не последнее место отводится заботам обезопасить себя от удорских комаров. В этих видах запасаются так называемыми накомарниками и пологами. Накомарник, по зырянски ном-дэра, а по удорски кукэль; это действительно нечто весьме похожее на древний иноческий кукуль и сшиваемое из домотканного, довольно толстого, беленого полотна. Кукэль надевается на голую голову и покрывая плечи опускается на спину. В нем отверстие делается только для лица: от комаров, таким образом, защищаются, главным образом, лоб, шея и уши. С лица удобно сгонять комаров, поэтому оно и оставляется открытым. Впрочем, некоторые и для защиты лица принимают меры, т. е. вставляют в отверстие накомарника волосяную сетку. Накомарники действительно сохраняют от комаров и потому распространены среди зырян; они в летнее время представляют собою необходимую часть зырянского туалета. В пологах спасаются от комаров во время ночевок. Некоторые путешествующие по Удоре чиновники запасаются большими пологами, в которых можно было бы расположиться для обеда или ужина. У нас был с собой полог из марли в кубическую сежень, и в нем конечно удобно было отдыхать. Сами зыряне возят с собой весьма маленькие полога, приблизительно в рост человека длиной, аршина полтора шириной и в полтора же аршина вышиной. Укрепляют полога на палочках прямо над землей Под такой полог забираются человека два-три, подбирают под себя концы полога и таким образом стараются не пропустить под полог ни одного комара. Но от комаров не легко укрыться: достаточно маленького отверстия, хотя бы у самой земли, как комары непременно отыщут его и наберутся в полог. Поэтому то и приходилось не редко видеть на ночевках, как ямщики, спавшие под таким пологом, вдруг стремительно срываются с земли и начинают вытряхивать из полога комаров, затем опять стремительно же бросаются на землю и стараются возможно быстрее подтыкать под себя концы полога.

Из Серегова мы отправились 22 июня при попутном ветре, подняли парус и пошли довольно быстро против течения реки Выми. Вымь—по зырянски Ем—ва (ем-иголка; ва-вода) игольчатая, быстрая вода, река с быстрым течением; плыть против течения по ней довольно затруднительно. По реке Выми вскоре же стали развертываться пред нами великолепные ландшафты. Проехав напр. 5 верст от Серегова, мы достигли местечка под названием Карапас. Здесь берега реки Выми, как правый, так особенно и левый, высоки и крайне круты и при том же покрыты

густым, на взгляд непроницаемым лесом. Лес идет едва не от воды и застилает собою весь берег, так что видишь, как над верхушкой одного дерева выросло и высится другое, не менее высокое дерево, над этим, в свою очередь, выросло третье, а там уже просвечивает вершина берега, обрамленная густым лесом. По реке Выми берега вообще высокие и не смотря на это только береговая линия реки удобна для земледелия. За этою линиею тянутся болота.

Чем выше поднимаешься по реке Выми, тем с большими встречаешься на ней холмами. Селения здесь ютятся на вершине пригорков и под'емы к ним крайне круты. В иных местах под'емы эти были бы до нельзя утомительны, если бы здесь не были понастроены лестницы. В таких случаях прямо идешь по ступенькам к деревне на гору, как на какую нибудь колокольню. Не смотря на высоту холмов, при под'еме на них сразу же убеждаешься, что местным жителям здесь нет надобности спускаться за водой к реке, что вода у них тут же у себя под руками На вершинах гор выкопаны здесь колодцы, и вода в них оказывается на глубине какого нибудь пол'аршина от поверхности земли, так что черпать воду можно прямо руками, не прибегая к помощи крюков или веревки.

По Выми мы плыли до 24 июня. Рано утром этого числа часа в 4 мы приплыли к селу Веслянскому, а в 5 часов утра выехали уже отсюда для дальнейшего путешествия. За Весляном следовал длинный волок, преддверие Удоры, на котором нельзя было рассчитывать найти хлеб, а поэтому мы в Весляне, сколько могли запаслись провизией. Поднявшись далее по реке Выми вверх верст 7, мы достигли устья реки Елвы и поплыли по этой реке. Елва с зырянского значит чистая, светлая вода (ел—молоко). Река эта довольно широкая, в общем мелкая с быстротекущею и действительно замечательно чистою водою. Почти во все время плавания видно бывает дно реки, маленькие камешки на нем. Впрочем глубина реки незначительна, часто бывает около аршина, а то и больше того. По Елве есть пороги и мели, так что значительных судов плавание здесь не только затруднительно, но прямо невозможно.

Начиная с Елвы нам уже стали определять пройденный путь чемкосами. Чомкос с зырянского (чом—шалаш и кос—межуток, промежуток) собственно обозначает расстояние между двумя шалашами. Это издревле идущая форма измерения здешних расстояний. Чомкосами измеряются только протяжения по рекам: водные лишь расстояния безразлично то, по большим или малым рекам они тянутся, в лесах же, где производится охота, по по течению рек и речек расстояния определяются приблизительно на версты. Это обстоятельство отчасти может свидетельствовать о том, что чомкоса первоначальнейшая форма определения расстояний, идущая от тех времен, когда местные жители развивали свою деятельность исключительно по течению рек и речек, не удаляясь в сторону от них, не углубляясь, так сказать в леса. И действительно никто не помнит времени возникновения чомкосов: они назначены изстари. Ныне только знают, где начало чомкоса и где его конец, а равным образом и то, сколько именно заключается чомкосов в известном определенном протяжении. Эту форму измерения расстояний нельзя назвать общеупотребительною среди всех зырян. Например, в том же самом Удорском крае, по которому мы путешествовали, живущими по Мезени расстояния определяются чомкосами, живущими же по Вашке—верстами. Затем, и по Мезени на чомкоса считают только зыряне Северо Двинской губернии (в верховьях Мезени), в Архангельской же губернии (вниз по Мезени) чомкосов не знают. По Елве чомкоса именно промежутки между избушками, но не везде

чомкоса являются в такой форме. В иных случаях начало и конец чомкоса просто приметные места, например ручеек, пригороки и тому подобные. Случается, таким образом, и притом весьма не редко, что ни в начале, ни в конце чомкоса нет керки (избушки). От села Глотова до села Кослана (по Мезени) считается 12 чомкосов, по 5 верст в чомкосе, но нет ни одной избушки, да говорят здесь и никогда не бывало избушек. Где на чомкосах и настроены избушки не непременно между каждыми избушками полагается чомкос. Чомкосы определены издавна, издавна же на конечных пунктах их настроены и избушки. С течением времени, для какой нибудь надобности, на чомкосе, в разстоянии например версты от конечной избушки выстраивается новая избушка. Эта последняя уже не служит причиной к изменению самого чомкоса, она не дробит чомкоса на два; чомкос по прежнему считается между первоначальными двумя избушками. Общее правило для всех выстраиваемых здесь избушек то, что каждая избушка приносит какую нибудь пользу: или около нея сенокосят, или осенью промышляют. Отсюда, все избушки, раз построенныя, здесь обыкновенно возобновляются; преимущественно же возобновляются избушки на конечных пунктах чомкосов. Но случается, что какая нибудь избушка не возобновится и уничтожится. Таким образом и случается, что в начале, или в конце чомкоса, где прежде и была избушка, теперь нет ея.

Чомкос нельзя назвать определенною единицею меры пространства. Чомкоса равны только слишком приблизительно, вообще же, они крайне разнообразны по величине. Каждый чомкос носит свое название, так что на известном протяжении зыряне знает не только сколько, но и то, главным образом, какие именно чомкоса лежат; назвав три один за другим следующие чомкоса, он величину всех их представляет не как, например, трижды 5 верст, но как сумму известных неравных трех слагаемых. Чомкос является, таким образом, не в собственном смысле единицей меры, а скорее формой представления о протяжении известной местности, так сказать фотографией протяжения местности; когда же переводят чомкоса на версты, то только приноравливаются к нашему представлению о протяжении и всегда при этом поясняют, что ихние чомкоса никто не мерял, полагают в них круглым числом верст по пяти, а на самом деле кто определит, сколько в них верст?! По пути в Удору счет чомкосами начинается с Турьинской и Княжегостской волостей (выше села Сереrова по течению р. Выми); за Сереговым (вниз по Выми) на чомкоса не считают, тут, как говорят Вымские зыряне, чомкоса теряются и даже названия их не знают. От села Турьи (по Выми) до переволоку с Елвы на Ирву считается 19 неравных чомкосов. Самые крупные чомкоса по Выми, а именно: от с. Турьи до Весляна считается всего 3 чомкоса и в них во всех 28 верст, от Весляны до устья реки Елвы чомкос в 7 верст, по Елве до переволока 14 чомкосов (92 версты), переволок—чомкос в 6 верст, от переволока по Ирве до впадения ея в Мезень и до Глотова 21 чомкос (105 верст, приблизительно здесь считается по 5 верст в чомкосе). Всего считается от села Турьи до Глотова 40 чомкосов и в них приблизительно кладут общим числом 300 верст. От Глотова до Кослана 12 чомкосов (60 верст), от Кослана до Разгорта 3 чомкоса (15 верст). Сорокаверстный волок от Разгорта к Венденге перерывает измерение пространства чомкосами: волок этот и за ним протяжение по Вашке измеряется уже верстами. По Елве и Ирве на чомкосах построены избушки, по Мезени и Выми избушек нет.

По Елве мы плыли против течения и потому не особенно быстро. Лодку нашу большую часть пути тянули бичевой, но как бечевника по

Елве собственно нет, то и приходится ямщикам на пути ежеминутно встречаться с препятствиями. Протянут по одному берегу какую нибудь четверть или полверсты приходится перебираться на другой берег, так как по этому тянуть невозможно, переберутся на другой, доходят до такого места, что ни по тому, ни по другому нельзя итти; лодка снова пристает к берегу, берет на себя ямщиков и далее следует на веслах, и рады рады если встретится попутная полоса ветра и можно будет поднять парус.

С 5 часов утра и до 9 часов вечера мы проплыли всего 7 чомкосов: чомкос в 7 верст по Выми и 6 чомкосов (около 42 верст) по Елве. Для ночевки остановились мы на чомкосе около трех пыусянов. Пыусян—баня. Размером зырянские пыусяны, с обыкновенную деревенскую баню и устройство их такое же приблизительно, как и во всех русских деревенских банях. Внутренность пыусянов делится на две неравных части: приблизительно треть его занимает передняя часть со входа с улицы (передбанье) и около двух третей следующая часть, самая баня, вход в которую из передней. Разделяются эти части одна от другой капитальной стеной, при чем передняя часть пыусяна не проконопачена, а задняя часть проконопачена. Покрывается пыусян крышей на один скат и довольно пологой. Над задней частью пыусяна, кроме крыши, устрояется еще потолок, на который, для сохранения тепла в пыусяне, наваливается земля. В передней части по стенам наколочены спицы для развешиванья одежды, промысловых снарядов и проч. Здесь же приделаны полки, на которые и кладутся чашки, ложки и вообще посуда. Чашки деревянные, посуда под воду берестяная и такой пришлось нам видеть весьма много и разнообразных форм в различных пыусянах. В передней части пыусяна, налево от входа, устроен очаг: вдоль всей стены, отступя аршина полтора от стены, врублено несколько бревен, начиная с самой земли и вышиной четверти на три. Пространство между этими бревнами и стеной завалено землею, на каковой земле и разводится огонь. Над очагом развешены крюки для котелков. В этой же части пыусяна весьма часто можно встретить чурбаки, служащие вместо стульев, в иных же пыусянах попадаются лавочки. Во второй, большей части пыусяна, в углу у дверей, налево от входа, устроется каменка: от полу приблизительно около аршина толщиной набивается глины и на нее затем накладывается каменье сводом. Трубы в пыусяне у каменки нет и дым выходит частию в двери, частию же в сделанное вверху отверстие в стене. По стенам этой части пыусяна наделаны лавки. В стенах вырублены два маленьких окна (по одному в стене) и в них вставлены оконницы со стеклами. Отмечаем это последнее в виду сделанных сообщений некоторыми побывавшими в Удоре путешественниками, но писавшими об Удоре, что будто бы в пыусянах в рамах, вместо стекол, вставлены бычьи пузыри. Сколько мы пыусянов видели и во всех решительно в рамах вставлены стекла и ни одного пузыря. Деревянные полы устроены не во всех пыусянах, в некоторых пыусянах пол земляной. При каждом пыусяне есть амбар для складывания в него провианта и добычи с промыслов. Амбары крыты на один же скат и довольно полого. При первом взгляде на эти амбары нам сразу же припомнились знакомые всем по народным сказкам „избушки на курьих ножках“. Дело в том, что амбары устрояются на четырех столбиках (по столбу под каждым углом) аршина на полтора над землей. Размерами они небольшие, около кубической сажени. Для входа в амбары подставляются чурбаки. Не на земле, а над землею амбары устраиваются для предохранения складываемой в них провизии и добычи с промыслов от зверей, которым в такой амбар попасть нет никакой возмож-

ности, так как чурбаны для входа промышленники подставляют только, когда сами ходят в амбар и затем от дверей амбара убирают. Окон в амбарах не бывает, а только одне входные двери. Около многих амбаров, на стенах их, повешены рыболовные снасти. Почти на всех амбарах повешены замки. В прежние времена, говорят, не было надобности в замках, ныне, надо полагать, такая надобность чувствуется, так как только редкие амбары пришлось встретить нам без замков.

При путешествии в Удору, остановки, не менее четырех в сутки, мы всегда делали около пыусянов. Ямщики наши, как только пристанут к берегу, так и начинают хлопотать около своих котелков, разводят огонь, варят похлебку и закусывают. Для варки пищи огонь всегда разводили на воле, кроме того топили и пыусяны.—Это уже для отдыха.

Добравшись до ночевки, ямщики натапливали пыусян настолько жарко, как вообще топят бани, при чем напускали в него почти полный дыму и ложились спать на полу. Дым не выпускали из пыусяна, чтобы сохраниться от комаров, а их здесь действительно множество. Во время топки пыусяна комары от дыму вылетают на волю, а затем, какие остаются в пыусяне, или после набираются в пыусян, не особенно надоедают отдыхающим. Комар в дыму угорает и не кусает—так заявляли нам ямщики. Однако атмосфера при ночевках в пыусянах, особенно после часового отдыха в них зырян, получалась настолько сгущенная, что редкий путешественник согласился бы поместиться в пыусяне и спасаться здесь от комаров, не смотря на всю надоедливость последних. Духота и жара в пыусяне стоят невыносимыя. К удушливости воздуха как будто зыряне привыкли и она для них не чувствительна, жара же и ими чувствуется. Очень часто то тот, то другой выходит из пыусяна, идет к реке и с жадностию глотает здесь воду, а затем снова от комаров спешит в пыусян. Мы спасались от комаров в пологу.

На другой день, 25 июня, мы выехали с ночевки в начале пятого часа утра и в половине девятого вечера приехали к переволоку, сделав в этот день 8 чомкосов (50 верст). Переволок находится на водоразделе между реками Елвою, впадающею в Вымь и Ирвою, впадающею в Мезень. Величина переволока считается верст в шесть, хотя нам и показалось, что здесь значительно более (верст около восьми). В недавние времена лодки из Елвы в Ирву перетаскивали ямщики на себе, при чем половину переволока воли их по впадающему в Елву ручейку, а другую половину тащили прямо по земле. Приблизительно лет за шесть до нашего путешествия поселились на переволоке два крестьянина, которые и стали перевозить лодки на лошадях и приспособленных для того дрогах. Когда мы переезжали по переволоку крестьян здесь уже было три семейства. Поселок их назывался Иегыш и принадлежал к Весляцскому приходу. У крестьян этих было четыре лошади и не было экипажей для перевозки пассажиров, почему последним и приходилось переходить переволок пешком. Дорога пролегает по ровному месту, сосновым бором; путешествие по нему, в благоприятную погоду, какая выпала на наше счастие, составляет одно удовольствие. Бор как будто подчищен и между деревьями видно на далекое разстояние. Земля покрыта белым мхом и вся местность своеобразностию вида приятно останавливает на себе внимание. Мы в первый раз видели подобную картину и с удовольствием разсматривали ее. В летнюю жаркую погоду, когда мы ехали, местность показалась как будто под снегом.

— Видите—вот удорское сено, сказал нам один из спутников, показывая на мох—белый ягель.

— Как сено?

— Да его собирают и им, между прочим, кормят скот. Сена здесь недостаточно, так мхом дополняют.

Почва в данном месте песчаная, и дорога по переволоку настолько суха, что мы большую часть ея шли без галош, в сырых же местах достаточно было мелких галош.

Переправа через переволок занимает вообще очень много времени. Прежде всего необходимо собрать перевозчиков с лошадьми, живут же они на Елве, версты на полторы выше перевозка. Нужно, следовательно, сходить к ямщикам, а у них между тем не всегда бывают лошади при себе, необходимо, значит, сходить за лошадьми в лес. При обратном путешествии, т. о. когда приходится перебираться с Ирвы на Елву, еще более проходит времени в предварительных сборах. Нужно послать за перевозчиками. Посланец должен сделать пешком верст 9 в одну сторону, здесь собрать ямщиков и лошадей и затем обратно пропутешествовать те же 9 верст к лодкам. Кроме того, не мало времени проходит в вытаскивании лодок на берег и нагружении их на дроги, особенно такой большой лодки, какая была у нас. Лошади у зырян, живущих на переволоке не приучены ездить в упряжи, приучены же только к верховой езде; поэтому зыряне и сами мучатся и лошадей мучают при перетаскивании лодок. Подпрягают лошадей они гусем. Нашу лодку, как большую, везли три лошади. На каждую лошадь сели по зырянину, затем еще переднюю лошадь вели под узцы. На наше замечание—для чего зыряне отягчают и без того не легкую ношу для своих лошадей, нам сказали, что иначе их лошади не пойдут, что лошади их приучены только к верховой езде и потому непременно на каждой лошади должен сидеть верховой. Зырянки работают наравне с своими мужьями, и когда один сидит на лошади, понукая ее и подхлестывает, другая дергает лошадь за узцы и тоже подхлестывает. Кроме того зыряне помогают еще своим лошадям криком, так что за версту слышно было—едут они, или остановились. Мы, не дожидаясь конца нагрузки лодок на дроги, пошли по переволоку вперед и по шуму сзади узнавали, двигаются ли наши ямщики вперед—или отдыхают.

Вся ночь с 25 на 26 июня прошла у нас в переправе через переволок. Приехав к переволоку в половине 9 вечера 25 июня, мы тронулись по Ирве в 8 часов утра 26 июня. Ирва с зырянского значит (Ир—ва) глубокая вода. Действительно р. Ирва гораздо глубже р. Елвы, общая глубина ея русла, говорят, сажен от 2 до 4, местами же и глубже этого. Вода в Ирве, частию вследствие значительной глубины реки, частию же и в зависимости от грунта, по которому протекает река, (а течет она по болоту)—темная. Течение на Ирве весьма тихое. Ирва в высшей степени извилистая река, так что плыть по ней под парусом, как мы не редко плыли по Елве, возможно только на крайне малом пространстве. Главное русло реки обозначено вехами. Если бы не было последних, плавание по Ирве могло бы быть даже затруднительным, так как на ней весьма много побочных и обходных русел, масса курей—заливов, в которых не удивительно даже заблудиться. Протекая по довольно ровному месту, с малым спадом воды, Ирва, при своем течении, разрешается озерами. Озера глубже реки и тем отличаются от нея, что на них как бы совершенно прекращается течение, т. е. течения не видно. Озера небольшие—в версту, версты две длины и саженей 100 ширины, а местами и меньше этого. Местность, называемая озерами, довольно велика (не один десяток верст). Берега озер обозначаются кустарником, но выйти на них из лодки невозможно, так как кустарник этот растет в воде, и он только, так сказать, обманывает глаз,

показывая, что тут берег, на самом же деле и тут вода. Протекая по озерам, Ирва и в стороне от себя имеет озера же, сообщающиеся с рекою ручейками. В трех чомкосах от переволока и в шести верстах в стороне от Ирвы есть, говорят, озеро (сообщающееся с Ирвою) около полверсты длины и несколько менее того шириной. Озеро это в одном месте, говорят, имеет 25 сажен (маховых) глубины, общая же глубина его от 20 до 24 (маховых) сажен. В стороне же от Ирвы есть озеро больших размеров, сравнительно с предыдущими и сажен в 15 глубины. Своей глубиной озера эти известны зырянам по ту и другую сторону переволока. Рыбы в них, говорят, масса, но взять ее трудно; впрочем, ежегодно производятся здесь ловли рыбы, равно как и в реке Ирве, весьма изобилующей рыбой.

По Ирве мы делали приблизительно верст 5 в час. Около 11 часов дня, проехав 3 чомкоса, мы остановились на отдых и для обеда. После отдыха тронулись уже около двух часов по полудни и затем до 11 часов вечера проехали 9 чомкосов (45 верст) и прибыли к деревне Кривушевской, Глотовского прихода.

Одним из неудобств 300 верстной станции, живо дававшим себя чувствовать, является необходимость на все это пространство иметь одних ямщиков, а не переменных. Отсюда невозможность идти без остановок; на остановках же комары особенно сильно надоедают. Река Ирва протекает по болотистой местности, и на ней особенно много комаров. Без накомарников во время пути и без полога при остановках здесь невозможно проехать. Разстилая полог, мы старались не пустить ни одного комара под него и только, когда выживали всех комаров, могли спокойно расположиться для временного отдыха, могли спокойно пообедать или поужинать. Насколько действительно в данной местности много комаров, можно видеть из того, например, что достаточно было нам оставить в пологе небольшое отверстие, чтобы комары набирались в полог, или достаточно было не особенно плотно прижать краями концы полога к земле, чтобы комары по земле опять таки набрались в полог, а затем сразу же и появлялось в пологе надоедливое жужжание.

В дер. Кривушевской мы ночевали. Деревня эта состоит из 9 крестьянских домов, с 29 душами мужского пола [1]). От приходского храма она отстоит в 25 верстах прямым зимним путем и в 40—45 верстах летним путем по реке. Осенью и ранней весной сообщения этой деревни с окружающею местностью не бывает. Стоит эта деревня в живописной местности, на самом берегу небольшого озера, в версту шириной и несколько более того длиной, при 6 саженной глубине озера. За озером на противоположном от деревни берегу, виднеются значительные возвышенности, покрытые лесом, деревня стоит кругом в лесу. В деревне этой есть часовня; вид ея снаружи очень серый, старый. Крестьяне дер. Кривушевской, видимо, живут зажиточно. Сенокосами они, как говорят, не скудаются, держат не мало скота и производят значительные запашки. Дома вообще большие; устройство их обычное. Дома двух этажные, причем нижний этаж не жилой. Построены дома на „семерике“, т. е. посредине их проходят сени, разделяющие дом на две половины, с тремя окнами в каждой по лицу. Внутри в домах весьма высоко, аршин около пяти. К дому, в котором мы остановились, не много нужно было бы прибавить леса, чтобы из него построить даже трехэтажный дом. Деревня Кривушевская и местность около нея известны под названием „Ном—поз“,

1) Все цифровые данные о количестве дворов по деревням и селам, а также и о численности в них населения, как в данном случае, так и в последующих, относятся к 1888 году—времени нашего путешествия.

т. е. комариное гнездо. Действительно, здесь комаров не мало. и без накомарников на улицу не покажешься. От комаров здесь стоит такой же гул, как от улья пчел, когда улей растревожат. Особенно набираются комары в жилые помещения, не смотря на все старания не пустить их сюда Больше же всего заметны комары в сенях. Здесь они толкутся роем. Когда мы вышли из дома и обратили внимание на доски, какими забрано крыльцо, то увидали на них так много комаров, как бывает шпилек на валах органов. И расселись комары так же причудливо, как бывают расположены шпильки. Не надеясь найти покоя от комаров в доме, мы решили переночевать в лодке, отъехав от берега и завесившись пологом! Но и в лодку, не смотря на все старания завесить ее возможно тщательно, набралась такая масса комаров, что не было от них покоя. Не было и 4 часов утра, как мы поднялись с ночлега и поспешили уехать из этого комариного гнезда.

К Глотовской Христорождественской деревни мы прибыли уже около 5 часов вечера, проехав по Ирве и Мезени 9 чомкосов (45 верст.) На пути делали небольшой роздых, около 10 часов утра, и затем выходили в часовню Боровской деревни, в 6 верстах от села Глотова Местность, где расположена деревня Боровская, в высшей степени красивая. Деревня находится на берегу реки, под очень высокой горой. По склонам гор, окружающих деревню, раскинута пашня, на вершинах гор зеленеет лес. Деревня состоит из 25 крестьянских дворов, из которых шесть домов стоят в одной группе отдельно от прочих, приблизительно от них в версте разстояния. Берега реки против деревни едва не сплошь заставлены лодками, свидетельствующими об одном из главных занятий жителей деревни—рыболовстве. Когда мы подплыли к деревне, подул попутный ветер, и мы подняли парус и прошли мимо первой группы домов деревни на парусе. Крестьяне от мала до велика высыпали на берег смотреть на редкое в их местности явление. По одежде крестьян можно было уже заключать, что мы въезжали в местность более или менее с достаточным обеспечением. Высыпавшие для встречи оказались разряженными в кумач и ситец, вообще в одежду из покупных материалов, а не в домотканую. По виду они также казались высокорослыми, здоровыми и красивыми—качества, обусловливаемые материальным достатком в жизни людей. В дер. Бор. школы нет, а ребята грамоте учатся, и учит их солдат, переходя из дома в дом. Вообще грамотность забралась уже и в такие отдаленные углы, так что по чомкосам в избушках мальчишки углем расписывают свое имя и день лова рыбы. Взрослые же зыряне жалуются, когда замечают непорядки в своих школах, и завидуют селам, имеющим школы благоустроенные с постоянными хорошими учителями. Так Княж погостцы жаловались, что в их школе в иной день и ученья не бывает, тогда как в Серегове, где в школе свой отдельный учитель, занятия идут хорошо.

Село Глотово стоит на р. Мезени, верстах приблизительно в трех выше впадения в Мезень Ирвы. У Глотова р. Мезень довольно широка. приблизительно саженей свыше 150 ширины, но мелка, так что летом чрез нее, случается, переезжают на лошадях. Места саженей в 2 глубины считаются здесь весьма значительными и известны среди местных жителей. В них ловится рыба—сиги, пельма, семга и пр.

По Мезени ходят большие лодки, поднимающие пудов до 500. В таких лодках привозится сюда хлеб, пароходы же и баржи сюда не ходят. Выше Глотова по Мезени всего две деревушки Глотовского прихода—Макарыб и Зерзяыб. Дальняя от Глотова—Зерзяыбская—она отстоит от села в 30 верстах, за нею идет пустырь. В течение двух недель рыболовы от Глотова поднимаются вверх по Мезени, но не дости-

гают ея начала. Вытекая из болот Архангельской губернии, Мезень вливается в Яренский уезд Северо Двинской губернии, протекает по нему на протяжении 175 верст, описывая нечто в роде буквы п, затем течет до океана по Архангельской губернии. Притом, в Архангельской губернии русло ея, говорят, почти сходится: есть место, где Мезень от Мезени отстоит всего в 18 верстах. Виды по Мезени вообще прекрасные. Берега реки густо поросли лесом и представляются как бы зелеными рамками, в которых совершенно спокойно разлеглась река.

Село Глотово довольно значительно по размерам, в 95 дворов с 500 жителей обоего пола. Построено оно, как и все вообще осмотренные нами зырянские селения, без всякого плана: которое место крестьянин облюбовал себе, тут и дом поставил, нисколько не сообразуясь с распорядком других смежных с ним домов. Постройка здесь, как и вообще на севере, прежде всего дает понять, что лесу здесь довольно. Впрочем и здесь бедность отдельных домохозяев сразу же выделяет их из числа прочих и внешностью постройки. Встречаются дома настолько плохие, что не без опасения мимо их проходишь. Однако, домов малых по размерам редко приходилось встречать. Привязанность зырян к громадным постройкам рельефно оттеняется на их молитвенных зданиях. Не нами замечено, что Бог, обыкновенно, чествуется от всего усердия и уменья. Среди зырян это усердие выражается в размерах их молитвенных зданий. Зыряне стараются настроить больше молитвенных домов и притом возможно больших размеров, не сообразуясь со средствами, какими они располагают при постройке. Случается, что заведут постройку, да и окончить ее не могут. С подобным примером пришлось встретиться нам в селе Глотове. Здесь крестьяне завели не по средствам большой храм и пока строили его, храм успел придти в ветхость. Храм этот каменный двухэтажный, с колокольнею в одной связи. Постройкою начат он в 1855 году, а окончен только в 1884 году и вот в каком состоянии он найден нами: в основании купола в верхней холодной церкви виднеется трещина; в притворе стена, ближайшая к колокольне, отошла от церкви, так что в левом углу образовалась сквозная на улицу щель; крыльцо каменное также отошло. Про щель на улицу из церкви местные жители говорили нам, что она „дивно времени" существует, т. е. очень давно. „Как начали строить церковь, стена сразу отошла, да так и стоит". Но как бы там ни было, а факт остается фактом: Глотовский храм целых 30 лет строился и через 4 года после окончательной отстройки оказался в таком состоянии, что хоть закрывай.

Когда мы приехали в Глотово, то нам об'явили, что это и есть первое селение Удоры. При словах „Удорский край" встает в представлении древнее Удорское княжество, о существовании которого сохранился едва ли не единственный памятник—известные слова в титуле—„государь и великий князь Удорский". В древних актах просто Удора встречается не редко. Так например, в духовной грамоте вел. кн. Иоанна Васильевича о разделе имения его 1504 года, между прочим, читаем: „сыну же своему Василью дал... Вычегду, и Вымь, и Удору, и Сысолу, и со всеми их месты". Говоря об Удоре, прежде всего приходится встретиться с вопросом, что такое Удора, где начало Удорского края и в каких пределах заключалась Удора в стародавние времена. Удора, по прямому переводу этого слова на русский язык (уыздор—удор) значит вообще низменное место. Отсюда, не каждая местность с этим названием обозначает тот Удорский край, или ту Удору, какая в древности представляла из себя отдельную, самостоятельную политическую единицу. Например, на реке Вымь в полверсте разстояния от с. Княж-Погоста, вниз по течению реки, есть деревня Удорская, но нельзя ска-

зать, чтобы она была начальным пунктом Удорского края. В настоящее время под именем Удоры, как отдельного края, известна населенная местность в Яренском уезде Северо-Двинской губернии, по рекам Мезени и Вашке. Изолированная физическими условиями от прилегающих к ней населенных мест, Удора, теми же физическими условиями делится на две части, из которых одну составляют зыряне, живущие по Мезени, а другую—живущие по Вашке. Вашка приток Мезени, но между Мезенью и Вашкою в Удорском крае лежит сорокаверстный волок, разделяющий эти части Удоры между собою. В настоящее время под именем Удоры и известна вся заселенная местность по рекам Мезени и Вашке, насколько эти реки протекают по Яренскому уезду, и Удора находится только в Яренском уезде, в Архангельскую же губернию она не заходит

По реке Мезени в Удорском крае находятся три прихода—Глотовский, Косланский и Селибский—в них всего 16 сел и деревень, с населением 1587 мужеского и 1670 женского пола. По реке Вашке находятся четыре прихода—Венденгский, Ертомский, Важгортский и Чупровский—в них 29 селений, с населением 2047 мужского и 2156 женского пола. Таким образом, во всей Удоре находится 45 населенных мест с 7460 душами обоего пола[1]). Несмотря на такую, можно сказать, незначительность населения Удорского края, размеры территориальные этого края весьма значительны. От крайней деревни этого края на Мезени (Зерзяибской Глотовского прихода) до последней деревни, стоящей на противоположном конце Удоры (до дер. Контюги, Чупровского прихода) считается около 280 верст. Селения в Удоре расположены при реках и вблизи рек (есть верстах в трех от реки). По реке Мезени протекающей по Удоре, селения раскинулись на протяжении 175 верст. и по реке Вашке на протяжении 150 верст.

Из ныне существующих семи удорских приходов в двух—Селибском и Чупровском—церкви построены в недавнее время, именно в 1865 году, на сумму, ассигнованную бывшим Министерством Государственных Имуществ; причем в селе Чупрове церковь, в ночь на 3 марта 1880 г., со всем имуществом сгорела, и нынешний храм здесь, деревянный, однопрестольный, окончен постройкой в 1889 году. Ранее 1865 года церквей в этих двух приходах не было. Про Ертомскую церковь определенно известно, что в деревню Ертому деревянная церковь, принадлежавшая прежде Троицкой Воздвиженской пустыне и находившаяся около деревни Крестовской, сплавлена была в 1826 г., по случаю подмыва реки и что церковь эта в том же 1826 году и была освящена. В 1890 г., церковь эта, за ветхостию ея, разрушена. В настоящее время в Ертоме церковь каменная, в одной связи с колокольней. Таким образом, собственно Ертомский приход существует с 1826 года. Точные сведения имеются и о возникновении церкви в с. Кослане. В напечатанной в Вологодских Губернских Ведомостях за 1850 г. № 52 грамоте Великопермского и Вологодского епископа Киприана, данной 1554 года 20 сентября, говорится, что крестьяне Глотовской Слободки, в волости Кослане около этого года, „поставили церковь нову и на нове месте святого пророка Илии в волости Кослане, в Глотове Слободке, на Мезени, и прихода к той церкви их волости 13 дворов". Епископ Киприан означенною грамотою дал следующие льготы: „и кого себе попа к той церкви приговорят нети, и аз его пожаловал и дал им льготы на год; не надобе ему соборные куницы, ни Петровские, ни к старосту Поповскому с тяглыми попы не тянути ни во что. Каково дело коме

[1]) Цифровые данные относятся к 1888 году

будет до него, или его сужу из епископ Кипреян, или мой Устьвымский приказчик. И как та льгота отойдет год и даст тот поп в мою казну оброком в году на год на Рождество Христово 5 алтын; а приказчику нашему тот поп на тот же срок на Р. Х. сем денег, а заказчику моему даст тот поп заезда три деньги, а платит ему дань и пошлины тот поп приказчику нашему Устьвымскому, кто будет на Устьвыми наш приказщик". Эта новая церковь, поставленная около 1554 г. на новом месте, в волости Кослане, и есть начальная церковь нынешнего Косланского прихода.

Остаются приходы: Важгортский, Венденгский и Глотовский. Начало основания церквей в этих приходах выходит за пределы местной памяти и преданий, равным образом и документальных данных, освещающих момент возникновения здесь приходов, пока не встречается.

Для разрешения вопроса, в каких пределах заключалась Удора в стародавние времена, находим исчерпывающие сведения в подлинной писцовой и дозорной книге города Еренска 7116 (1608) года. Книга эта под № 142 находилась в Москве в Архиве Министерства Юстиции и мы, в свое время, имели возможность, по интересующему нас вопросу, сделать из нее надлежащие выписки, с которыми, в виду важности их, и считаем необходимым познакомить читателя.

Начиная с листа 159 в указанной писцовой книге описана: *Волость Удорская, а Вашка тоже по реке по Удоре.* Здесь прежде всего описывается погост Венденга, а на погосте церковь Успения пречистые Богородицы, теплая, древяна клецки; а в церкви образы и свечи и книги и ризы и сосуды церковные и все церковное строение мирское. А на погосте дворов... (попа, церковного дьячка, пономаря, проскурницы). На погосте ж дворы крестьянские безпашенные 8 дворов. Того ж погоста, на другой стороне реки Удоры, дворы крестьянские 6 дворов живущих и 1 двор пустой. Пустошь Гоголево, (пашня лесом поросла). Место церковное Живоначальныя Троицы, а угодья к тому церковному месту диково лесу вверх по реке по Удоре на версту, а вниз на версту ж. От реки прямо в лес диково ж лесу на две версты, и на тех двух верстах к тому ж месту рыбные ловли, речка Пурвежа да озерко Вежаниское. Деревня Ертома 9 дворов живущих и 2 пустых. Дер. другая Ертома на усть реки Ертомы 3 двора живущих. Дер. Шиляевская на реке на Ертоме 6 дворов живущих и 1 двор бобыльской. Дер. Козлейга 7 дворов живущих 1 двор бобыльской и 1 двор пуст. Дер. другая Козлейга, а Иба тож, 3 двора живущих. Дер. Новоселка 4 двора живущих и 2 двора пустых. Дер. Чирка 10 дворов живущих и 1 двор бобыльской. Погост Кривой Наволок 29 дворов живущих, 2 двора бобыльских и 2 двора пустых. Пустошь Шеяса (пашня лесом поросла). Погост Важгорта, а на погосте церковь Воскресения Христова теплая, да церковь Николы Чудотворца древяна клецки, а в церквах образы и свечи, и книги, и ризы, и сосуды церковные, и колокола, и кленало, и все церковное строение мирское. Да в церкви ж перед Николою Чудотворцем свеча в два пуда, а поставил тое свечу Вологодской Владыко Петерим. На погосте дворы... (попа, церковного дьячка, пономаря, проскурницы). Да крестьянских дворов 23 живущих, 6 пустых и 7 бобыльских. Деревня Остров, а в ней часовня, а крестьян 8 дворов живущих, 3 пустых и 3 бобыльских. Дер. Выргорта, а в ней часовня, а крестьян 8 дворов живущих и 1 двор пуст. Дер. Устьпучкома 5 дворов живущих и 2 двора пустых. Пустошь, что была деревня Шелья (пашня лесом поросла). Дер. Мучтюга над озером над Мучтюгою, дворы в розни, 5 дворов живущих и 4 двора пустых. Дер. Елкожа 3 двора живущих 1 двор пуст и 1 двор бобыльский. Дер. Контюга над озером над Контюгом 6 дворов живущих

и 2 двора пустых. Дер. Чернутьевская 5 дворов живущих 2 пустых и 1 бобыльской Починок на Мезени усть Пысы реки, дворы врозни, стал ново, после писма Ивана Огарева, 2 двора живущих. Починок Власка Трифонова, на реке на Удоре, выше Венденги, стал ново, после писма Ивана Огарева, 2 двора живущих.

А угодья у них река Удора, да в Удору ж впали реки вниз на правой стороне река Чебужга да речки Киюга, Пюпа, Лопья, Венга, Елла, Вежаюга, Коса, другая Елла, Содзюма, Чебюга, да озеро домашнее, да речки Кува, Чебюга, да ручьи Кузюла, Юкоба, да речка Оча, да вниз по левой стороне реки Удоры пали речки: речка Тонга, да ручей Чюрма да речка Выя, да ручей Опенинга, да речка Онга, да ручей Кепшюра, да речки Гертома, Субоса, Мыкмоса, Ия, да ручей Керюга, да озеро Окудынское, да ручей Обраша, да речки Пучкома, Чебюга меншая, да озеро Ильинское, да ручей Поныро, да озеро Пучюра, да ручей Печерка, да озеро Печерка ж, да ручей Рыбья, да речка Курмыша, да речка Ежюга. От Глотовские межи от Елсково лока от низ по Мезени речка Вежаюга, ручей Уна, речка Кормыша, да по другой стороне Мезени речка Уина, речка Кирюга, да речки Мудзя, Лоза, Пыса, Лантига, Веза. А ловити им в реках, а в озерах всем крестьяном за один.

И всего в Удорской волости 3 погоста, а на погостех 2 двора поповых, 2 двора церковных дьячков, 2 двора пономаревых, 2 двора проскурницыных. Пашни церковные 3 чети в поле, а в дву по тому ж, сена 30 копен; да 14 деревень, да 2 починка живущих, да 3 пустоши. А на погостех и в деревнях и в починках 5 дворов лутчих, 25 дворов средних, 121 двор молотчих, и всего лучших и середних и молотчих 151 двор, а людей в них 180 человек; да 18 дворов бобыльских, а людей в них тож: 29 дворов пустых крестьянских. Пашни паханые худые земли 227 чети с осминою, да пашни перелогом худые ж земли 12 чети с осминою, да пашни ж лесом поросло худые ж земли 26 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 2815 копен".

Итак вот какую территорию занимала Удорская волость в 1608 году. Простиралась она по реке Удоре, под каким названием известна, была в то время река Вашка. В подлинной писцовой книге 7154 (1646) года селения Удорской волости указаны по их местонахождению и именно обозначены так: погост Венденга на реке на Удоре, дер Ертома на р. Удоре, дер. Иба на р. Удоре, дер. Чирка на р. Удоре, погост Вашгорт на р. Удоре, дер. Вылгорт на р. Удоре и т. д., то есть все поселения, какие находятся на р. Вашке, указаны, как находящиеся на р. Удоре, или что то-же нынешняя Вашка и прежняя Удора это одна и та же река. К Удоре и принадлежали земли, расположенные по Вашке и ея притокам. Та часть нынешнего Удорского края, которая расположена по р. Мезени к древней Удоре не принадлежала. Вот почему в старинных актах и встречаемся с разграничением поселений по Мезени от Удорской волости. Так, в опубликованной в Вологодских Епарх. Ведом. (1868 г. № 22). Памяти 1691 года земскому Судейке Глотовы Слободы, говорится, что крестьянин деревни Разварги, т. е. нынешнего Разгорта, Косланского прихода, Мишка Арефьев с братьями в 199 году (т. е. в 1691 г.) бил челом, чтобы с него с братьями брали тягло в Глотову Слободу, а не в Удорскую волость: „в прошлых де годех имали с них с земли и со сенных покосов тягло в Удорскую волось, потому что де та их земля и сенные покосы подошли к их Удорской волости; а с 196 (1688) году емлют с них, с той земли и сенных покосов, тягло в Глотову Слободу, потому что де та деревня Разварга и пашенная земля и сенные покосы по реке Мезени—пожни Елсково Наволоку, и в писцовых книгах 136 и 137 (1628 и 1629) годов написаны за родственники

их за Климкою Ивановым с Стенькою Григорьевым вообче в Глотовой Слободе, а не в Удорской волости". Итак в 1628 г. ближайшая к Удорской волости Разгортская деревня причислена была к Глотовой Слободе, как центральному месту по управлению над поселениями по р. Мезени, и местность по Мезени строго отграничивается от Удоры.

Сравнивая численность населенных мест, а также и количество жителей в древней Удоре в 1608 г. с таковыми же по Вашке в 1888 г. видим, что за 280 лет число поселений здесь возросло только в полтора раза, вместо 19 стало 29, численность же населения возросла в 10 раз.

В писцовой книге 1608 г. заключаются сведения и о поселениях по Мезени. Приводим и их, в виду их важности и для сопоставления с нынешними сведениями. По писцовой книге 1608 года: в Глотове Слободе погост Глотова Слобода на речке на Мезени, а на погосте церковь Рождество Г. Б. и Спаса нашего І. Х. древяна клецки, теплая, да другая церковь Николы Чудотворца древяна ж клецки; а в церквах образы и книги, и свечи, и сосуды церковные, и ризы, и стихарь, и поручи, и паникадило, и кадила, и колокола, и все церковное строение мирское. А на погосте двор... (попа, церковного дьячка, проскурницы). Пашни церковные 2 чети в поле, а в дву по тому ж, сена церковново на острову против церкви 50 копен. Да угодья у Николы чудотворца дано на сооруженья истари речка Лупья с бобровыми гоны и с рыбными ловли и с звериными угожеи. В слободке ж крестьянских дворов и с тем, что припущено в пашню деревня Вантывская дворы врозни, а в ней 30 дворов живущих и 16 дворов пустых. Дер. Вылюб вверх по Мезени, 5 дворов живущих, 5 пустых и 1 бобыльский. Пустошь, что была дер. Макарова на реке Мезени. 1 двор пустой; пустошь, что была дер. Займище Глотово за рекою за Мезенью, и тое пустошь, и пашню и покосы снесло вешнею водою; пустошь, что был починок Петрово Селище. Деревня Будкон над озером над Будконом 7 дворов живущих, 2 пустых и 2 бобыльских; пустошь, что был починок Усть-Кослонсково озера. Погост Косланской по реке по Мезени, а на погосте церковь Ильи пророка древяна клецки, да церковь Офонасья Александрийского древяна клетцки, а в церквах образы и книги, и свечи, и сосуды церковные, и ризы, и паникадила, и кадило, и колокола, и все церковное строение мирское. А на погосте дворов... (попа, церковного дьячка, пономаря, проскурницы). Пашни церковные одна четь в поле, а в дву потомуж, сена 30 копен. Да к Илье пророку на сооруженья две речки Субоса да Матбаса, с бобровыми гоны и с рыбными ловлями, и с звериными угожеи. На погосте ж дворы крестьянские 7 дворов живущих, 7 пустых и 3 бобыльских. Деревня Екшера 1 двор живущий и 1 двор пуст; дер. Шарыба, да к ней припущено дер. Ручей, 2 двора живущих 2 двора пустых и 1 дв. бобыльский. Дер. Разварга 4 дв. живущих, 3 пустых и 3 дв. бобыльских; дер. Вылюб дворы в розни 5 двор. живущих 1 дв. пуст и 2 дв. бобыльских. А угодей у Глотовы Слободы река Мезень с верховья до Слободы по правой стороне, да в Мезень же впали речки Пузла, Пурзема, Шиморя, другая Позла, Кривая, Кужма, Комша; а на левой стороне речки Анюга, Авюга, Пешюга, Елва, Ежьюга, да две речки Селки. А ниже слободы по Мезени до Удорсково рубежа, до волока до Елского на правой стороне две речки Ирзы, да речка Пежьюга, а на левой стороне две Лани, да речка Уса. Да от Пегужсково волока речка Ирва. Вниз по Ирве до Мезени реки, озера и речки и стоки Глотовы Слободы.

И всего Глотово Слобода, да погост да 6 деревень живущих, да 3 пустоши. А в Слободе и на погосте 2 двора поповых, 2 двора церковных дьячков, двор пономарев, 2 двора проскурницыных. Пашни цер-

ковные 3 чети в поле, а в дву по тому ж, сена 80 копен. Да в Слободе и на погосте и в деревнях крестьянских живущих 11 дворов середних, 49 дворов молотчих. И всего середних и молотчих 60 дворов, а людей в них 72 человека; 12 дворов бобыльских, а людей в них тож; 38 дворов пустых. Пашни паханые худые земли 66 чети с полуосминою, да пашни ж перелогом худые земли пять чети с осминою в поле, а в дву по тому ж, сена 1570 копен.

Итак по писцовой книге 1608 г. Глотовой Слободе, с относящимися к ней погостом и деревнями, принадлежали земли по всей реке Мезени от ея верховьев и до Удорского рубежа, до волока Елского, со всеми ея притоками, и по р. Ирве с ея притоками же и озерами от Пегужского волока, т. е. от переволока с Елвы в Ирву. Вся эта громадная площадь имела в то время 8 заселенных пунктов и в них 84 крестьян я бобылей муж. пола. Чрез 280 лет число населенных мест здесь удвоилось, а число жителей увеличилось в 19 раз. Насколько в 1608 году Глотова Слобода с относящимися к ней поселениями не сливалась с Удорою видим из таких отметок в той же писцовой книге. По дер. Разварге (нынешнему Разгорту) пишется про пустые дворы: „двор пуст Ерошки Тимофеева, сбежал на Удору во 110 году; двор пуст Нестерка Калинина, сбежал на Удору во 115 году". Глотова Слобода была административным пунктом по управлению над поселениями по Мезени, и эти последние настолько сливались с нею, что когда напр. крестьяне Косланской волости поставили для себя в Кослане церковь, то по грамоте выходит, что как будто это произошло в самой Глотове-Слободке. В XVII в. в Глотове Слободке жил земский судейка с товарищи, сношения же с Вологдой с духовной властью шли чрез Устьвым, при посредстве Устьвымского приказчика. И в последующее время Глотова Слобода была административным центром. Так, в первой половине XIX века здесь было местопребывание пристава 2 стана Яренского уезда, какое в последствии и переведено было в село Серегово.

С. Н. Шляпин

(Продолжение следует).